

*
ТАТЬЯНА
ГАЛУШКО
—
ОБРАЗ
*

ТАТЪЯНА
ГАЛУШКО
—
ОБРАЗ

ТАТЬЯНА
ГАЛУШКО
—
ОБРАЗ

Стихи

Советский писатель
Ленинградское отделение
1981

«Образ» — вторая книга Татьяны Галушко. Женская судьба, творчество, материнская любовь, природа — таковы ведущие темы ее стихотворений. Большое место в книге занимают стихи об Армении, которая так же близка поэтессе, как и родной Ленинград.

Через книгу проходит и тема войны, которая, коснувшись детства, осталась болью на всю жизнь. Не случайно Т. Галушко — автор надписи на памятнике Боевой славы на Ивановских порогах.

Художник Ася Векслер

* * *

Прожитого — не исправить.
Юных — не предостеречь.
Настрадавшуюся память
Можно мудростью наречь.

Вовсе не плоды ума —
Опыта глухая область
То, что в жизни было — тьма,
То, что в слове стало — образ.

Гарантирован простор
Даже в этом мире тесном
Вести, смысл которой скор
И не исчерпаем текстом.

Подниму свою ладонь
И поставлю против света —
В ней пульсирует огонь
Человеческого цвета.

Нынче — нищая стерня,
Завтра — колос, гроздь и ветка, —

Как ты светишь, пятерня,
Негасимая под ветром!

Как ты светишь, мой шандал
О пяти свечах, с которым
Жизнь не кажется повтором,
А истоком всех начал.

ПАМЯТНИК БОЕВОЙ СЛАВЫ НА ИВАНОВСКИХ ПОРОГАХ

Из истории создания

Экскаватор черпал горстью
Глину,
    гильзы,
            каска,
                    кости,
Корни вымершей травы...
Мы стояли на отвале
В столбняке, а не в печали,
В черные уставясь рвы.
А над берегом кровавым
Все таскала птица-слава
Корм живой землицы в дом,
Не в могильник допотопный —
В мавзолей войны окопной,
Осеняя прах крылом.
С архитектором Алешей
Мы приехали в хорошем
Настроении сюда —
Глянуть, как идут работы,
Где стихам моим с почетом

Встать, быть может, навсегда.
Но над этой длинной ямой
Я забыла нежный самый,
Самый выстраданный стих:
Там, на дне ее, темнели,
Словно в ладожской метели,
Лица братиков моих.
Да не лица! Лишь объемы,
Формы, пальцами знакомо
Обретенные опять.
Вы погибли, вы истлели,
Но земля хранит доселе
Лба высокую печать.
«Леша, — я шепчу, — смотрите!
Вот где правда! Повторите
Лица эти. Повтори. . .»
Тут не стало мне дыханья,
Зренью — неба, сердцу — знанья.
Тьма толкнула изнутри.

На Ивановских порогах
Светит бронза ликов строгих.
А на каменной стене —
Набранные темной медью
Восемь строк — из их бессмертья
Продиктованные мне.

* * *

Мы по Ладоге ехали ночь напролет,
Справа лопался лед, слева рушился лед,
Помню вспышку и свист, помню снега
ожог,
Чью-то руку и голос: «Не бойся, дружок».

Мама, я потерялся на черной воде,
Я пропал на войне, как зерно в лебеде,
Я невидим тебе, я снежинка в снегу,
Ваши лица в толпе я узнать не могу —
Ни тебя, ни отца. Столько лет, столько зим...
Может, рядом в метро мы в молчанье скользим,
Может, рядом в кино плачем общей беде.
Где-то мама живет... Где-то — значит везде.
Над пустынным каналом я ночью брожу,
Помоги мне хоть в малом, — я город прошу, —
Я твой выросший сын, я нашелся давно,
Приведи меня к дому, я вспомню окно.

СЕМНАДЦАТИЛЕТНИЕ

Мы шли по выставке плаката,
Девчонки в юбочках тугих,
И белое лицо блокады
На нас глядело, на таких.

Лицом к лицу! Пускай застонет,
Пускай заплачет хоть одна!
Но видела лишь посторонних,
И любознательных
война.

С рожденья миром мир наполнен,
Да не поставят нам в вину,
Того, что мы войны не помним,
Что мы не чувствуем войну.

Мы шли по выставке плаката,
И шла за окнами Нева,

Неутомимо — как солдаты,
За головою голова.

Глаза у встречных женщин строги.
И вдруг, при виде этих глаз,
Мне стало страшно, что тревоги
За свет на свете нет у нас.

С. С. Орлову

Он был мальчишка рыжий,
А может, и не так,
Но только рыжим выжил,
Пройдя сквозь этот танк,
Сквозь красную духовку,
Содравшую навек
Былую облицовку
Со щек его и век.
Для милой все он милый:
Будь рыжий, лишь дыши!
Но так открылось миру
Лицо его души.
Лицо его народа,
Нетленное в огне.
Войне четыре года —
Двенадцать лет войне!
Там год считался за три, —
Двенадцать, стало быть.
Попробуйте назавтра
Такое позабыть.
Живет поэт на свете,

Земля давно не та,
Послевоенным детям
Вручают паспорта,
От реактивных вспышек
Материки дрожат...
А он о танках пишет
На бывших рубежах.
И муза — медсестренка,
Прорвав времен кольцо,
Все дует, как ребенку,
В горящее лицо.

НОЧЬЮ

Впервые за многие годы
Осталась в квартире одна,
В квадратном пространстве свободы
От хрупкой стены до окна.
Когда-то я жадно любила
Молчание книг и огня,
И времени скок темнокрылый,
Толкающий в сердце меня.
Казалось мне облако ночи —
Живое его волокно —
Движеньем чужих одиночеств,
С которыми я заодно.
В лицо мне дышавшую серой,
Обнявшую крепче, чем кнут,
Кормила я грудью пантеру,
Которую Музой зовут.
Она с меня глаз не спускала,
А я не сводила с нее —

Упорных, угрюмых, усталых,
Внушающих горе свое.
Пантера была малолетка,
Не когтем — изгибом взяла,
Да так, что в пустыню и в клетку
За нею бы я поползла.
Для этой, уже нелюдимой,
Диктовки — зрачками в зрачки —
За этот ночной поединок,
За эти в тетрадке значки...
Впервые за многие лета
Стою у окна в тишине:
Ни скрипа, ни слова, ни света,
Ни детского всхлипа во сне.
Луны постаревшее око
По книгам скользит, по столу...
О, как я сейчас одинока,
Как старая кошка в углу.
Я мудрости мертвых не верю
С тех пор, как сама умерла:
Души не скормила пантере —
Любовью ее уняла.
Мне холодно. Хочется сада,
Шуршанья ветвей, соловья,
Но больше всего — чтобы рядом
Дышали мои сыновья,
Чтоб дочка вязала, и спица
Блистала в незримой руке,
И зубчато гнулись ресницы
По голубоватой щеке.

Не всякий плач родит беда:
Бывает — плач родит беду...
Вчера я весела была
И завтра от тоски сбегу.
Пока играют холода,
Сады на стеклах разведу.

Вороньим карканьем весны
Не напророчишь. У зеркал
Одни намеренья честны.
Ищу в них то, что ты искал
Во мне. Увы! Глаза грустны,
И слишком вытянут овал.

Я вижу, челка впрямь седа,
И эта складка на щеке...
Мы в мыслях молодим себя:
Легко ль взглянуть в лицо тщете!
Я улыбаюсь, как всегда:
Я со щитом — не на щите!

Любимый мой, стекляшку спрячь.
В твоих зрачках моя душа.
Скажи скорей: «А ну, не плачь!»
Скажи мне: «Ах, как хороша!»
И день горяч, и скачет грач,
Веселье вешнее верша.

Мне заново надо родиться,
Чтоб верить и вторить весне, —
Зачем же ты, смертная птица,
Свистишь свою заповедь мне?

Счастливой тревоги не требуй:
Иссякла, оглохла гроза.
Пустынное трезвое небо
Наполнило светом глаза.

И вовсе не дрожь утешенья,
А голую правду суля,
Как лебеди вытянув шею,
По ветру летят тополя.

Идут года, а выйдет год —
Краешек.
Летит звезда, а упадет —
Камешек.

Ты приближался — не ждала
Парня я,
Ждала спасения — крыла
Парного.

Как высоко мы поднялись
Осенью.
Все прошлое, как листья, вниз
Сбросили.

Я знаю, тех, кто полетел,
Не вывихнуть,
В себя вбираю лишь затем,
Чтоб — выдохнуть.

И даже если упаду,
Кану я,
Не забывай во мне звезду,
В каменной.

ИЗВАЯНИЯ В ХРАМЕ ЦАРИЦЫ ХАТШЕПСУТ В ДЕИР АЛЬ БАХРИ

По мотивам О. Ониани

Камень, камень, камень, камень...

Солнце — вверх, а месяц — ниц!
Двести каменных цариц,
Двести черных Хатшепсут
Храм оставленный несут.
В зернах каменной росы
Их колени и носы.

Я на черствые тела
Наглядеться не могла:
Скользкий мрамор (мертвый лед)
Мне морозом сводит рот —
Быть шершавым, как рядно,
Изваяние должно.

Двести каменных колонн,
Двести каменных матрон
Все стараются понять,
Как друг друга сосчитать.
Шей обветренных охват
Тяжело-шероховат,
Их улыбка, губ изгиб —
Точно стая черных рыб.
А четыреста очей,
Как четыреста ночей —
Дольше года каждый взгляд, —
Вперившись в меня, молчат.

Нет, зрачки, как зерна, ждут,
Ах, — и голос подают,
И души моей очаг
Разоряют и кричат!
Настигают быстрый мозг,
И, своих не помня гнезд,
Кружится, как сонм грачей,
Сонм провидческих очей.
Этот храм воздвиг Сенмут,
Не дождавшись той, что ждут...
Двести каменных любвей
Создал из одной — своей.
Двести ртов — как у одной,
Двести углей под золой...

Камень, камень, камень, камень...

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Современный вариант

Мокрые рубашки на веревке
Белоснежной парашютных крыл.
В узких джинсах, в шерстяной битловке,
Скалится на солнце Гавриил.
Стоя в облаках субботней стирки
(Волосы приклеились ко лбу),
Тихо говорю ему: «Пустите», —
А сама к нему глазами льну.
«Сядьте», — говорю, себя не слыша.
(С пальцев пена радугой бежит.
Узкий двор, колодец, тополь, крыша, —
Выпукло мерцаая, все дрожит.)
Кто сказал: золотоглаз и нежен?
Круг зрачка прицелен, как лассо.
Синеву, как нож, собою режет
Острое носатое лицо.
«Сядьте. . .» Что за нищая забота:
Он же вертикален напролет.
Темнотой, надвинувшейся сбоку,
Выдохнул: «В тебе от бога плод».
О, какую тяжестью и жаром
Тело налилось. Какой озноб
Дунул в спину содроганьем жадным,
Осушил благословенно лоб.
Я-то знала. . . Но услышать вчуже!
Прислонилась к двери — не упасть.
Муза, мне объявленная в муже,
Ты сильнее, чем радость или страсть,
Ты и есть — душа. В прохладной тайне
От бытья слепого, от битья

Ребрами о пошлость, скажешь: «Дай мне
Зазвучать...»

И воскресаю я.

В тайне от бессмысленного чада
Кухонь, стирок и очередей,
Ты родишься, *слово* — чудо, чадо,
Божий плод, родня моих детей.

* * *

Как бешеный, как цыганка плечами,
мотается, стелется низко овес.
Сережек его шелестящих бренчанье
и дробненький дождь — вперехлест.

Упряталась, а ведь только на липе стонала,
ненасытно, мохнато хмелея, пчела.
Крыльями голубь трещал и торкал, и —
вжиг! — по металлу
сизого воздуха — бездождевая черта.

Кашка клеверная краснее малины,
наливается влажным разгаром, дрожит
от мелких укусов дождя. Июнь. Половина.
Работа моя не работается, а блажит.

Так записывал под диктовку дождика
Лев Толстой, разлюбивший в себе художника.

Н. А.

Последний снег на первый снег похож,
Последняя — на первую — любовь.
Как темным улицам к лицу наряд,
Снежины — сестры свадебных цветов.

Ах, седина мерцает, как фата.
К лицу ли мне сияющий покров?

.. Покачиваясь в белой тишине,
Плывут снега — река без берегов —
И украшают голый острый сад
Шарами теплых бережных плодов.
Последний снег напоминает мне
Младенческую нежность стариков.

Ах, недаром, недаром,
Лишь зима замела,
Стало озеро старым,
Как мои зеркала.

И недаром томится
Звук под левым ребром —
Перелетная птица
С говорящим крылом.

Изменилась округа
Или, может быть, я,

Не узнать нам друг друга,
Молодцы-тополя.

Я не злюсь и не плачу,
На вершины гляжу,
Как вы сделались младше,
Никому не скажу.

Но теперь уж ни разу
Не схлестнуть нам теней
До подземного часа
На пиру у корней.

Мы расстались, не споря,
Чьи верней времена...
А беззвучное поле
Бережет семена,

А морозная ночь
Вся легка от огня,
Да как взрослая дочка
Далека от меня.

* * *

Ты ошибался: многословен гнев —
А ненависть не разжимает зубы,
Ее ни стон, ни брань не утолят.
У ненависти тяжкие глаза,
Она их поднимает с напряженьем —
Вся кровь с лица уходит в этот взгляд.
Ты ошибался: это тоже — близость.
Но для чего пришлось ее узнать!

* * *

Эти кудри преследуют ветер,
А густые колосья бровей
Мне напомнили степь на рассвете,
Колыхание влажных стеблей.
Ветровая живая воронка
Забирала, стелила хлеба.
Только серо-лиловая кромка
Разгоралась вдали, как судьба.
И, почти прикасаясь губами,
Проносились вдоль злаковых струн
Непрозрачные воды Кубани,
Словно карий беззвучный табун.
Может быть, ты мне этим и дорог,
Что рожден упоением степи...
Свет отечества в памяти долог. -
Посвети!

* * *

Я не девочка, чтобы гадать,
Что из этого выйдет:
Просто слышать. Бок о бок стоять.
Просто видеть.
Снова жизнь обретает простор —
Путь и ветер.
А бессонницы черный костер
Зорко светит.

* * *

О, счастье — наши встречи праздновать...
Сто лет назад был день вчерашний.
Я потому должна опаздывать,
Что ждать тебя мне слишком страшно.
Ты говоришь, что я неласкова,
Что постоянно все скрываю,
А я как марлевою маску,
Придя домой, с лица срываю.
И ослепительнее зарева
Всю нашу встречу вижу заново.
Платформа. Снег. Твое дыханье.
И ты без шапки, как студент, —
Секунда противостоянья
Разноускоренных судеб.

* * *

Как будто не проем окна,
А неизвестный холст Куинджи —
Туман серебряный, луна,
И леса гребень неподвижный,
И склона черное крыло,
Крещащееся над обзорным
Пространством холодно-озерным,
В котором небо проросло.
Стою меж световых колонн,
Меж двух небес; меня пронзила
Беззвучности анестезия,
Подземной вечности пролом.
Рисунок времени во мне
Подобен горному ландшафту —

Не вдалеке, а в вышине
И в глубине — вчера и завтра.
Мне страшен этот кругозор:
Он позволяет видеть сразу
Всю целиком судьбу — в упор,
А это нестерпимо глазу.
Но лишь в такие ночи — цель
Вся светится. Паришь на вдохе.
И каждая минута — центр
Судьбы, а кажется — эпохи.
По вертикальным числам лет
Восходит жизнь, не опадая,
А лишь из вида пропадая,
Как в небе реактивный след.

* * *

На дворе гульба чужая режет шелком
Доморощенный пейзаж самозабвенный.
Слышишь песню? — Ресторанная дешевка,
Но опять меня расстроила мгновенно.

Между ней и дождевою пылью млечной
Над реликтовыми соснами Пицунды
Никакого соответствия, конечно.
Собрались повеселиться? И танцуйте!

Что мне в голову взбрело на травах тундры
Воскрешать такие сильные виденья:
Пляж, горячий даже в пасмурное утро,
В море камушки, белевшие, как деньги.

Видно, что-то в этой музыке лубочной
К той гармонии восходит первородной,
Без которой мы не можем быть свободны
И простить самих себя не правомочны.

***

Едва скворцов вернул апрель
И зелень просквозила,
Счастливой, давней боли трель
Опять меня пронзила.
Усиливаясь каждый день
От внешнего волненья,
Моя сердечная мигрень
Не хочет исцеленья.
Струятся листья на ветру,
Растет трава проворно,
Я просыпаюсь поутру
Для жизни чудотворной.
То радуюсь, то трезво лью
Стремительные слезы,
А перед зеркалом стою,
Как под грозой березы.

ПЕСНИ

* * *

Почка малая, верба талая
Ищет солнышка в облаках.
Я не жалею, что усталая,
Мол, неси меня на руках.

Не присяду я в платье шелковом
Под ракитою над рекой.
Мне заманивать парня шепотом
Нету радости никакой.

Ах, серебряной вербной денежкой
Зря усыпана вся гора:
Стала девочка старой девушкой,
А ей матерью быть пора.

Верба гибкая, верба голая,
Разверни свои все листки.
Птаха певчая верит с голоса
Зову нежности и тоски.

* * *

Не поверю никогда,
Что любовь — страдание.
Жить безлюбой — вот беда,
Горе — ожидание.

Дни уходят, как река
Мимо нашей пристани,
Притаилась я пока,
Жду судьбы единственной.

Речка — тусклая в тени,
А под солнцем — олово.
Полюблю — тогда взгляни:
Потеряешь голову.

Не считай мои года —
Стать вели счастливою,
А счастливые всегда
Самые красивые.

* * *

Ты говоришь, люблю боль
Я вынесу одна,
И потому твоя любовь
Мне больше не нужна.

Да, я той девочки сильней,
Которая, любя,
Незащищенностью своей
Осилила тебя.

И я, и я была проста,
И плакала в беду,
И все хотелось мне гнезда,
Гнезда в твоём саду.

Была я птахою ручной
У милого в горсти,
Да век такой, да мир такой,
Что глаз не отвести.

Весь белый свет мне разрешен,
Все звезды в вышине. . .
К тебе лечу, а ты — ушел.
Зачем же крылья мне?!

Ты прав, ты прав: я все могу
И все перетерплю.
Не ты передо мной в долгу,
Раз я тебя люблю.

ГУРЗУФ

Три было неба о заре:
Серебряное — на горе,
Темно-лиловое — на море,
А слева скручивалась даль
В тугую сизую спираль,
В посмертный список территорий,
Которых образ и ландшафт
Стихом озвучены в ушах.
Соединяю, как могу,
Несвязность имени и места:
На диком прежде берегу
Индустрии курортной тесно.
Не скалы вовсе, не леса,
Не море — властвуют на юге
Машины, мотоциклы, руки,
Пронзительные голоса.
Природа прячется в природе,
Но, атмосферой отражен,
Гурзуф таврических времен
В ночном алмазном переводе
Себя и нас воспроизводит,
Как в Пикассо — Анакреон.

АПРЕЛЬ

У музыки горной в заздравном апреле
По склонам гобой бегут и свирели,
То ниже, то выше, то кратко, то длинно,
С влюбленного неба свергаясь в долину.

Ах, мокрые камни, речные орехи,
Осколки творенья, бессмертья огрехи...
Пустая вода исчезает рывками,
Лишь круглая скорость звучит под руками.

Минутна гармония и безымянна,
Ее полнота погранична обману.
Минутны и розовы губы флейтиста —
Цветы без листвы на кустах тамариска.

Земля голодна, небеса ненасытны,
Легко умереть, и воскреснуть не стыдно,
Как стебель, в отзывчивом ветре растущий,
Смычком соловьиным прижат и отпущен.

«Я В И С Ъ, В О З Л Ю Б Л Е Н Н А Я Т Е Н Ь...»

* * *

Я видела его во сне.
Он шел по набережной к дому,
А я за шторой в окне
Стояла, рот зажав ладонью.

Он шел ссутулясь, весь в снегу,
А шарф болтался нерадиво.
И боль родства, как резь в боку,
Меня прожгла и разбудила.

Смирять сердца темный стук
Над пустотой перемещенья,
Я слепо шарила вокруг,
Вернуть пытаюсь освещенье

Той улицы, внутри окна,
Наполненного снегопадом.
Я встретиться хотела взглядом
С тем, кто остался в тайне сна.

Ах, он понятия не имел,
Что, вызванный тоской подспудной,
Зимой, по Мойке малолюдной,
Спешил ко мне. И не успел.

«ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ»

Вдали треугольные ямбы
Печатает осень над лесом —
Гусиные строчки прощанья,
Совсем черновые, без рифмы.
Ах, вам бы прочесть это, вам бы...
Я прыгаю в небо без лестниц
И слабость в ногах ощущаю.
Так реем во сне, воспарив, мы.

Я плаваю в воздухе свежем,
И плавает свет листопада,

Касаясь меня и минуя,
И винным брожением манит,
Но так очарован и нежен
Невыцветший подлинник сада,
Что волю его именную
Душа, повзрослев, не обманет.

В уплату наследному иску
Я боль мою тратила всюду.
Способность любить не бессрочна,
И есть ли во мне это благо?
Зачем я верна лицеисту?
Ведь он и не знал, что я буду,
Ведь сам он над бездной проточной
Пылал, как листва и бумага.

* * *

Чем дальше сплющивался юг,
Тем ярче выдавало лето
Его особые приметы:
Тяжелый цвет и легкий звук.
Сквозь пропыленные поля
Катился ветра шар пахучий.
И голоса, как тополя,
Спирально ввинчивались в тучи.
И хроматической, двойной,
Зигзагоострой бахромой
Над степью свешивалось море,
А справа, плоскость переспоря,
Как из драконовых семян,
Пророс зубцами Аккерман.

Но поэтических историй
Про башню, пыль и ту ступень,
Где тщетно римлянина тень
Искал потомок Ганнибала,
Я избегаю, потому
Что мне в музейную суму
За песней лазить не пристало.
Ну отчего вблизи широт,
Смягчающих жестокость века,
Оттаявшему человеку
Мечта о вечности поет?
Я дуну внутрь себя: пускай
Погаснет память. Над полями
Сияет воздух, а вискам
Двойного не снести пыланья.
«Явись, возлюбленная тень...»
Любой поэт, рожденный позже,
Родня тому, кто с этих стен
Следил Назонов плач и плен:
Неистребимы эти дрожжи.
Ты, белая зола в кострах,
Ты, пыль веков, ушедших прах,
Да вы и есть пыльца легенды.
А бабочка, на чьих крылах
Она опять взлетает — ах! —
Моя палатка из брезента.

—

* * *

Река в низине. Рощица окрест —
Лучинник незажженный над потоком.

Я окунаюсь в полночь жадным оком,
Безграмотно любя небесный текст.

О чем гласит высокий чистовик,
Невнятный человеческому зренью?
И без творца он строен и велик,
Но не великодушен, к сожаленью.

В реке не иссякает миг воды.
Неопалим туземный век осины.
Лишь моего дыхания следы
Ревниво испаряет воздух синий.

Куда иду? Зачем была жива,
В календарях зачеркивала числа?
Ужель, чтоб диктовала мне слова
Гармония, не помнящая смысла.

ВЕСНА МИЦКЕВИЧА

Любое мгновение суток
Равно слоговому усилью.
Пустынны карман и желудок,
Зато в голове — изобилье,
И жжется в груди Новогрудок —
Гнездо незабудки Марыли.

Прокатимся в лодке до зóри,
А лучше стихами побредим,
Пока не поскачут трезвоны
По медным посудам обеден,
Пока твой платок не узорен,
А, нежный, сиренево-бледен.

Отчетливый ласточкин очерк
У всех переулков и спилей.
Наутро раскроются очи,
Цветущие очи Марыли.
Весь город об этом хлопочет
И чистит кирпичные крылья.

Весняночка, зеленовласка,
По лаковым цокай каменьям,
Будь ласка, кохана, будь ласка,
Зефиры прильнули к коленям.
Сливово-вишневая пляска
Сливается с яблочным пенъем.

Твой Адам безвестен и весел,
Как ангелы, тучки кудрявы,
Но Крым уже лавры развесил,
А встреча с Москвой — златоглава.
Отечество — родина песен,
Изгнание — родина славы.

* * *

Четырехстопный стук ночных копыт,
И пауза меж тучей и луною,
И звука отражение степное —
Все это нынче кинореквизит.

Несоразмерны скорость самолета
И пристального взора быстрина.
А Лермонтову снизу, как пилоту,
И зыбь, и твердь, и высь была видна.

Но, зная: грань Кавказа подо мной, —
Я заперта недвижно и незряче,
Лишь скорости пустынная удача
Вокруг меня ревет голубизной.

Наверно, облегчение — лететь
От А до Б с кратчайшим интервалом,
Но монастырь печальный над Дарьялом
И пляску девушки не разглядеть.

ГОВОРЯТ ПОРТРЕТЫ КАДРИОРГА

Мы восседаем в рамах в пышном зале.
Холсты от нашей тяжести провисли.
Мы, реку смерти переплыв глазами,
У вас в зрачках свои читаем мысли.

Свидетельства о погребеньях лживы.
Вот правда: красок темное свеченье.
Художники писали тех, кто живы,
И быть живыми наше назначенье.

В губах — неутоленное признание.
В бровях — сиюминутная обида,
А парики и фижмы — только знаки
Иного века и другого быта.

Но вы спешите, заняты собою. . .
Как вас окликнуть? Тяжко и постыло
Мы тишиной набиты. Как соломой
Набиты перья сокола пустые.

И это нас пугает. Только это.
Никто не слышит нас, и мы стареем.
И, как незримой крови нашей эхо,
Шумит вода в железных батареях.

СТИХИ ИЗ ПИСЕМ

* * *

Впрягаюсь в гору, словно в арбу,
И тяжесть — мое спасение.
Как сфинкс Эдипу — его судьбу,
Ты мне загадал Армению.
Что каменной корью ее высоты
Болели певцы неизбежно,
Знаю я, знаю, но задал мне ты
Боль, долгую, как надежда.
Ты задал вопрос? — Ты задал ответ!
Ответственность и границу.
Земли твоей «да» и земли твоей «нет» —
Единые краски тигрицы.

* * *

Не важно, что осень, не важно.
А важно, что письма бумажны,
Что в римских безлиственных ветках,
Чернеющих на циферблате,
Соловушка шелкает смертный
И голос его безвозвратен,

И нет ни горы, ни прибоа:
Разлука не знает пейзажа.
Висит между мной и тобою
Тоски безголосая пряжа.
Не холодно камню без крова,
А сердце дрожит без другого.
Ах, даже ребенок бедовый
Не радуется сходством наследным:
Любовь не имеет подобий,
Хоть неизгладима — бесследна.

* * *

Под влажным небом все слезоточивы.
В пустыне плач нечаянней колодца.
Скорее испарится, чем прольется
Страдание, постигшее мужчину.

И может быть, тот облак, еле видный,
Который замер в сини голубиной, —
Твоей обиды вырвавшийся выдох,
Тень жалобы твоей самолюбивой.

Душа, изнемогая, иссякает.
Боюсь глядеть в лицо тебе, когда ты
Чернеешь, жаром внутренним объятый,
И все черты остреют, усыхают.

А в городской квартире тесно горю:
Карабкался бы в горы, падал в море,
Бежал бы до упаду на просторе, —
Не разойтись в семейном коридоре.

И вот стенанье слышу или пенье,
А если звук тот выразить предметом,
Он оказался б маятником медным...
Нет, лестницею с тысячью ступеней.

Всю ночь по ней восходишь ты куда-то,
А может быть, спускаешься, как в детстве,
К ручью, и в нем целуешь виновато
Земли всеутоляющее сердце.

* * *

Ты похож на куст лимонный,
Чьи листья покрыты воском,
Чей прохладный горький воздух
Свеж над пылью раскаленной.

На гранат похож ты зрелый.
Сам себя он так же прячет
В оболочке очерствелой,
А целуешь — кровью плачет.

С чем еще сравнить мне мужа?
С влагою, в ручье кипящей,
С той, что зубы ломит стужей,
Но всего на свете слаще.

---

* * *

У тополей немислимая статья,
Но дрожь мучительней, чем слезы ивы...
Тому, кто заставлял меня страдать,
Я сострадала в самый миг разрыва.

От жалости не поднимая глаз,
Ждала, когда его устанет злоба.
Теперь мы квиты. И не правы оба.
Но я виновней: я сильнее из нас.

Вчера, едва окончилась гроза,
Мне стало легче. Плакать перестала
И вышла. В гору подняла глаза
Невидяще. И вот что увидала:

Вверху, испариной покрытый, склон
Сам от себя кусками отрывался. . .
То розовый там уголь разгорался,
То гаснул, серым ветром занесен.

Там был погост. Там чьи-то две души
В платанах шелестели надо мною.
Там я прочла на камне под стеною:
«Обидеть медли, отомстить спеши».

* * *

Имена моих детей —
Как узоры на хачкарах
Или пропись в книгах старых:
То лоза, то соловей.

Имена моих детей
Помнят звуком гром дорожный,
Дрожь ручьев в гранитных ножнах,
Гул пещерных крепостей.

В именах моих детей —
Зернами в плодах граната —

Судьбы множества людей,
Так же названных когда-то.

Детства прошлого взамен
Навсегда и ежечасно,
Свет очей моих, Армен,
Будь воспоминаньем счастья.

Камня отческого грань
Над развалин мертвой грудой —
Свод души моей, Тигран,
Стань надеждою на чудо,

Что в провалах скоростей
Мира завтрашнего рано
Не умолкнут безымянно
Имена моих детей.

* * *

Вас, как заглавные титры,
Числить в начале позвольте,
Горы Армении, тигры,
Спящие на горизонте.

Жизнь началась с середины:
Черную вдовью равнину
Властно перегородили
Ваши горячие спины.

Целью родства обоюдной
Связаны люди и горы.
Пусть я не сделаюсь юной,
Но и состарюсь не скоро,

Ибо граненые скалы
Вечности мне уделили
В сизых созвездьях муската,
Шероховатых от пыли.

Радость азартнее риска.
Пусть я не стану красивой —
Щедрую кровь материнства
Горы во мне воскресили.

На высоте каменной
Долгое яркое лето.
Два моих мальчика чистых
Мне гарантируют это.

ВОСХОЖДЕНИЕ

Речонки встречной чѐмбало — вперед
движенье облегчает и походку,
хотя на крутизне, разинув рот,
мы тяжко воздух втягиваем в глотку,
пока журчащий путь до Агарцина,
сопротивляясь гнету башмака,
себя наверх уводит, как терцины
упорно восходящая строка.

Понятье высоты для простака —
надоблачное зренье с самолета.
Но приращенье нового шага
к усилью совершённого, работа
подошвы, впрямь втирающей в тропу
всевластное желание подъема

(когда архангел, дующий в трубу
соединеньем пламени и грома,
зовет тебя внять разнице вещей
и над тобою воздвигает гору,
как сам ты для малюток-мурашей
являешь вид стоящего простора),
но этот всход петляющий зато
дарует нам с достигнутого гребня
не монастырь, не заповедник древний,
а чистоты утраченной плато.
Ты совмести (в воображеньи) бровь
с крутым прохладным полукружьем арки,
и мрак зрчка, и сумрак храма — вновь
друг в друга перельются, точно кровь.
И дрогнут враз платановые арфы
в лесу, парящем высоко вверху,
в лесу, клубящемся внизу в ущелье...
Ты поднялся — и здесь тебе вернут
родства с землей застолье и веселье.
Ты поднялся — здесь погрузят тебя
в прозрачный мир, не знающий распада,
в полуденную сердцевицу сада,
где ярко зреет облако тепла.
Смотри, как млеют улы и стога,
патриархально прислонясь к отрогу,
в живом соседстве с мирным домом бога,
чьи камни розовой, чем облака!
Сиреневая мята, дикий мак,
как бабочка, трепещущий по ветру,
царевна-мальва, нищенка-сурепка
или случайно занесенный злак
над куполами выросли стоймя.
Лепечут листья, вспыхивают воды...
Весь рукотворный мир монастыря

давным-давно стал образом природы.
Как совершенен кругозор и тих,
так радостна игра теней подвижных!
И бег верхних облаков и нижних
рифмован параллельно, словно стих.
А если говорить о высоте,
так ведь всегда прекрасное высоко,
как путь Земли в небесной тесноте,
как вечный Агарцин, зеница ока.

* * *

Дотронусь: тополь! — и потону...
Но этот голый и узкий,
Не знавший страха и потому
Не знающий кожи — мускул,
Этот ствол, растворенный в ста
Красках и дуновеньях,
Читающий звуки земли с листа
И выстроенный на верхних...
Этот, у нас невозможный лист,
У нас, где листва духовна,
Бестеневая плоть — эвкалипт,
В Грузии ты верховна.
И между лиственных этих бритв,
В их закаленном свете,
Как вдохновения, ищут битв
И побеждают — дети.

ВЕЧЕРНЯЯ ИСПОВЕДЬ ЖИВОПИСЦА МАРЬЯНО ФОРТУНА САМОМУ СЕБЕ

Писал мадонн с дощечками ладоней,
С пробором в маслянистых волосах,
Багровый плащ на голубом хитоне,
Проем окна и гору в небесах.

И радовался сильному движенью
И незаемной красоте письма,
И веровал до головокруженья
В звезду свою, высокую весьма.

Сияй вверху, в заоблачности дальней,
Души моей бессмертное жильё!
Лишь кипарисам — истинным идальго
В ночь рождества я показал ее.

Но раз... Как будто зрение другое
Отверзлось и на суд призвал господь,
Дано мне было встретить в мире Гойю
И свой лубок с подрамника спороть.

Что крылось в этой кисти, в этом взмахе,
В ударе шерстью зверя по холсту,
Чтоб так желанно розовели махи,
Чтоб вызов их кокетства за версту

Сжимал кишки мне бешенством и счастьем,
А теплый жемчуг платьев, вееров,
Мантилий и невидимых зубов
Обманывал телесным соучастьем

С бегущей жизнью? Да и есть ли жизнь
Без них и кроме прелести их жадной?

Смотри, как ножка к чугуно прижата.
Не веришь в бога? Гойей побожись.

Прости, господь Франсиско, судия:
Дерзая не страданием, а злостью,
Не страстью, а пристрастием, и я
Пронзительную охру с жженой костью,

Берлинскую лазурь и жир белил
Тер на доске по правилам старинным...
Не кровью, а коралловым кармином
Расплачивался с той, кого любил.

Пугающе правдива красота.
Я прежде не видал ее так близко.
Как вы любили женщин, дон Франсиско!
И чарой глаза, и пожаром рта,

И зрячей электрическою кожей,
А главное, а главное — тоской
Всегдашней ненасытности, похожей
На рев корриды и на гул морской.

Ничто не ранит мозг, как это, столь
Безумное — очами — обладанье
И неприкосновенье. Разве боль
Разрыва нестерпимей, чем — свиданья?

Чем напряженье алчущих зениц,
Вперенных в ту, которая мгновенна:
Испарина на лбу, и взмах ресниц,
Глотающих то локоть, то колено

При повороте или смене поз,
Кипенье слез о родинке на горле,

И — жажда удержать все это post,
Post factum, то есть в час труда и горя.

Зачем, зачем бежал я тех забот,
В которых и утрата — не растрата.
Большие горы, вправду, создал бог,
А маленькие — выросли от страха.

Все кончено: мне скоро сорок лет
И нечего надеяться на чудо.
Волхвы не притекут в мою лачугу.
Господь Франсиско, мой кромешен след.

Пусть ночь, закутав факел голубой,
Проносится беззвездною равниной,
Я спать хочу. А кипарис ревнивый
Ментолом горько дышит надо мной.

* * *

Ах, если бы, если бы даром,
Без черной морщины на лбу!
Но даже орехи — ударом
О землю — дробят скорлупу.

Спешит к растворению снова
Созревший растительный мозг...
Не так ли сливается слово
С природой, сулящей прирост?

Весной, меж тугими кустами
И острыми кромками льда,
Прозрачно-живыми кусками
Дрожит моих мыслей фольга.

И скалится дерзко, и блещет,
И в яркое небо течет. . .

Там в облаке птица трепещет,
Но легкость пернатым не в счет.

ДИЛИЖАН, ОКТЯБРЬ 1967

Что же хоть в памяти есть
Не обреченное краху,
Опустошенью и страху?
День этот все еще здесь!
Ярко меня обдувает
Красный и пепельный лес.
Холодом лоб задевает
Облака белый отвес.

Все еще тянутся в рост
Стéблей сквозящие ткани,
Словно, озябнув всерьез,
Множеством быстрых дыханий
Склон серебристо оброс.

Гулки в бассейне пустом
Дна мозаичные шашки. . .
Парни там, скинув рубашки,
Мячик гоняют втроем.
В уши мне — кожаный гром!

Знать бы, урок или. . . рок?
Не обернется внезапно
Самый безмолвный из трех
И молчаливо-азартный.

Нет, обернись! Обернись:
Яблока иней коснулся. . .
Надо, любимая жизнь,
Надо, чтоб он оглянулся!

Как водоем без воды —
Головоломка судьбы,
Время, освободи,
Суетно не изводи
Этого, этого, да!

Вытолкни в гору, чтоб — вместе:
Он еще чист и естествен,
Так же, как лес и вода. . .

В поручни снизу вцепясь,
Вдруг очутился он рядом,
Вдруг мы ударились взглядом,
Мимо скользнул он, смеясь,
И оглянулся в просвет
Между клоками платана,
И за спиной его странно
Вспыхнул — подобьем экрана —
Неба стоячего снег.

* * *

В это утро сосновый
Горностаевый бор
Мне напомнил сурово
Наш Казанский собор,

На просторах прогресса
Избежавший чудес, —
Словно памятник лесу,
Этот мраморный лес.

Сквозь плачевные стекла
Окуляров моих
Колоннада простерла
Лапы веток живых.

Вороненая птица
Клювом снег ворошит.
Не хватало гробницы,
Где фельдмаршал лежит.

* * *

И вдруг огромный безутешный плач
Меня настиг средь мчащегося леса.

С. Капутикян

Город, впадающий в море,
Город, творящий себя
В настезь разлитом просторе,
Миру отзывчив всегда.

Город, зажатый горами,
Неоткровенен и горд,
Высечен в скалах годами
Моря небесного порт.

В тучах висят многогранно,
Дым исповедный куря,

Эхо хранящие храмы,
Замкнутых душ якоря.

Это у нас на равнине,
Где перелетны слова,
Мозг, многолюдьем ранимый,
Не защищен от родства.

Здесь же понятие рода
Кровно. Его заслужил
Тот, кто родня от природы.
Или по крови — из жил.

Братство трубило победу
Там, в этой роще пустой,
Там, где ты замер с разбега,
Словно я крикнула: «Стой!»

Помнишь ли, баловень с виду,
Радостный воин удач,
Ты добротой себя выдал
И обернулся на плач.

«. . .Женщина, что тебе надо?
Что ты глядишь на меня,
Огненный голод блокады
В яростном взгляде храня?

Не говори про потери,
Брось этот способ. Старо!
. . .Женщина, я тебе верю,
Сам не желая того.

Все вы такие. Как лозы,
Льнете к суровой душе.
...Видишь, целовывать слезы
Я научился уже».

Вижу. И в клетоте речи,
В нежной надменности глаз
Свадьбою выглядит встреча,
В жизнь превращается час.

Главное вдруг понимая
В мире угроз и утрат,
Шепчешь: «Сестра...» — обнимая.
«Брат, — задыхаюсь я, — брат...»

* * *

Нет, только умирать не на виду,
Не посреди детей своих кричащих.
Бежать, бежать к неуязвимой чаще...
Как зверь, беды к норе не приведу.

Свой безвозвратный отыскать овраг
С навесом хвои и высоким склоном,
Ну не овраг, так мост, или чердак,
Или вагонный тамбур, или... словом,

Любое место, нужное как раз,
Да и не место даже — про-ме-жуток
Мгновенный, где неощутимей раз-
рыв меня со мною и — не жуток.

Ни детских глаз — нет, ни за что! — ни стен,
Все что угодно, но ни стен, в которых
Былая жизнь, как бабочкина тень,
Под абажуром бьется и на шторах.

* * *

То ли вечер крошѐной слюдой,
То ли вечность пульсирует низко,
Лишь прошедшее время зернисто,
Настоящее — смерч пылевой,
Только будущее лучисто,
Словно небо над головой.
Как люблю я пейзаж января!
Петушиным шафраном заря
Голосит из безлиственных клеток,
Из глуши зачехленных ветвей,
Светом к лету повернута, к лету,
К неминуемой мощи своей.

Как люблю я живую капель,
Обнаглевшей воды карусель,
Хмель коры, истекающей соком,
Разверзание глин и песка
И в апреле удачи высокой
Усмехающиеся уста.

Для обмена веществ бытия
Безразлична удача моя.
Вся она — тополиная почка,
В чью тугую клетчатку вросли
Органический праздник весны
И таланта воздушная почта.

* * *

Печальной речи темное питье
Пьянит и погружает в забытье.
Луна, в тумане сильного мороза,
Как имя утаенное твое,
В поэзию перетекла из прозы.
Февральская фольга свернулась в розу,
И я вдыхаю острый край ее.

* * *

А вы живете где-то
Посреди земли,
Бывшие валеты,
Ныне — короли.
Я вам стихи писала,
Вы упали ниц.
Веселые вассалы,
Не помню ваших лиц.
Помню только удаль —
Молодость мою.
Вы шли ко мне на убыль,
На гибель, как в бою.
Я уклонялась гибко
В часы взаимных пик,
И только муза гибла,
Прожив единый миг.
Зачем мой глаз упрямый
Был неподкупен так!
Вот, пиковою дамой
Нюхаю табак.

А вы, размыслив зрело,
Где зло и где добро,
Вы принялись за дело
В конструкторских бюро.

ПРОГУЛКА

1

Там, где небо в конце зимы
Отрывается от земли
И бессонным пернатым светом
Расширяется над водой,
Я ходила гулять с поэтом.
Был он бравый и молодой.

2

Я ходила с ним в Летний сад.
До сих пор еще там висят
Наши выдохи и усмешки,
А в углу за боскетом — глядь:
Янус — двойней орла и решки —
Нам являет нас впредь и вспять.

3

Тень листвы, как большая сеть,
Накрывала нас. Не успеть
К наслажденью — дремать под солнцем.
Но лужайка его волос,
Словно линза горячим донцем,
Прогревала пейзаж насквозь.

4

«Истукан недурен. Смотри,
Где же «нынче»? У нас внутри».
Рассмеялся. Сорвал ромашку
И в ресницы ей дунул: «Вот
Око данной минуты. Жжет,
Как нечаянная рюмашка».

5

Там, где воздух, как влажный прах,
Настоящее в нас, — он прав.
Настоящее тем и ценно,
Что действительно: флоксы, шарф,
Лебедь, берег, брыластый цербер,
Этот голос в моих ушах.

6

Даже в тот мимолетный миг
Знала я, что поэт — велик.
Слишком ярко в нем совмещалась
Двувременная красота:
Умудренного сердца шалость
И насмешливая мечта.

7

«Жизнь отпрыгать? — Не воробей.
Отлукавить? — Не Кочубей.
Кстати, вот его дом, зайдем-ка.
Нынче здесь городской нарсуд
И Волконского не везут
Мимо бала в Сибирь, в потемках».

Он прищурился и умолк,
 Различая далекий щелк,
 Ямщиков полуночных ярость.
 А за нашей спиной в саду,
 В пруд плюя на его звезду,
 Ухмылялся чему-то Янус.

* * *

Ты сказал бы: «Не будь плаксивой!
 Что ты, дурочка, будь красивой.
 Чтоб людская молва трубила:
 «Во какая его любила!»

Мне неважно теперь, неважно,
 Что для них я — никто. Я — он.
 Важно то, что вздрогнешь — «не ваша» —
 Всем поклонникам на поклон.

Ты не падай душой. Не падай
 На ту горку, где я сплю.
 Дочке скажешь: «Лежит здесь папа.
 Я его одного люблю».

ДРУЗЬЯМ

Я уже не имею в виду
 Напечататься в толстом журнале,
 Может быть, в девяностом году
 Выйдет книжка, а впрочем, едва ли.

И по общему мнению тех,
Кто пророчил мне в юности славу,
Я на громкую роль и успех
Безвозвратно утратила право.

Пожимают плечами друзья,
Если кто-нибудь, неосторожный,
Спросит, как я, пишу ли?

«Семья», —

Отвечают они односложно.

Но усмешка, порхнув по чертам,
Точно птица по зимним деревьям,
Задевает незажигтый шрам
Боли, бывшей когда-то доверьем.

Не одна я для вас не сбылась:
Вы во мне для себя не свершились,
Ибо в стае важнейшее — связь,
Если небо редет, все ширясь.

Я не каюсь, и не за что мне
Извиняться. Все вышло, как надо.
Как посеяно там, в вышине
Улетевшего к прадедам сада.

Как ночное растение в росе,
Я в слезах на земле пиновала,
И, как все, существуя, как все,
Обделенной ни в чем не бывала.

Зря, друзья, ваши лица судей
Леденеют в безмолвном допросе.
В безымянной общине людей
Вы меня не узнаете вовсе.

Я живу, распахнув календарь
Предрешенному часу навстречу.
Впереди у меня только даль,
Одиночество слуха и речи.

ДЕКАБРЬ

Отчего нас было много,
Когда молодость была?
Отчего теперь дорога
Одинока и бела?

Как проверить: я отстала
Или вырвалась вперед?
Или впрямь душа устала
И своих не узнает?

Мне в лицо летят осколки
Поднебесья и земли,
И пора узнать, насколько
Глубока спираль зимы.

Там, в ее витках летучих,
Ни созвездий, ни часов, —
Только кружит хор певучих
Всевременных голосов.

Хорошо, что эти звуки
Невозможно позабыть,
Потерять в зигзагах вьюги,
Воем ветра перебить.

Вся надежда — с ними слиться,
Испариться и парить,
Чьи-то будущие лица
Путеводно опалить.

Замерзая, замирая,
Улыбнуться им разок,
В лунной амальгаме рая
Продышав себе глазок.

* * *

В час, когда в моих веках погасла
Волшебства молодая звезда,
Этот город, конечно прекрасный,
Стал богаче меня навсегда.

И теперь мне не нужно для жизни
Перепончатых крыльев моста,
Орудийных красот классицизма,
Чья воспетая строгость черства.

Все хранимые памятью тени
Возвращаются с млечных путей
Лишь в присутствии птиц и растений
Или хором поющих детей.

И скорее в автобусной давке,
Чем на невском ночном берегу,
Как и впрямь о бессмертном подарке,
О душе я подумать могу.

Ну а та верстовая антенна,
Над которою — света стрела, —

Только спиннинг для ловли вселенной,
Но отнюдь не шестая струна.

Тот, кто был, и кто есть, и кто будет
Наяву и посмертно велик,
На таких стенобитных орудьях
Ни витать, ни играть не велит.

Но обдуманно, трезво, счастливо,
Растворенная в быстрой толпе,
Я беру эту зрячую лиру,
Я ее выбираю себе.

Ты, мой город, — нелегкая доля.
Солнце застит полгода зарю.
Без восторга и, значит, — без боли
На кораблик над Невским смотрю.

Плыл он раньше и дерзок и весел,
Облаков разрывая края.
То ли парусник плыл, то ли месяц,
То ли просто улыбка моя.

А теперь не в небесном прибое, —
Улыбаюсь я, слившись в одно
С многоглавой мгновенной роднею
На земле, где тепло и тесно́.

И зато над чертой перехода
Безуханный трехглазый цветок
Изумрудное семя свободы
В мой усталый вдувает зрачок.

* * *

Посмотри, какое утро:
Солнце ленится падать,
В скорлупе из перламутра
Можно море переплыть.

Это время круговое
Передышку дало нам,
Прижимая грудь к прибою,
К обмирающим камням.

Нет для времени распада —
Превращается в простор,
В брызг блаженную прохладу,
В туч пылающий повтор.

Вот в ладонь оно вложило
Раковины завиток —
Жизни внешнюю пружину
Или памяти цветок.

Безголосым гулом съеден
Обитатель заводной.
Береги, когда уедем,
Этот ирис костяной.

* * *

Я, как Мария Петровых,
Была собою — во-вторых,
А кем была во-первых,
Не знаю. Разными людьми.
Тобою. Нашими детьми.

Сама себе соперник.
Сама себе дурак и враг,
И вечная растрата,
А все, что написала, — так
Скорей всего от страха,
Что впрямь рассыплется в золе
Душа моя касатка
И не оставит на земле
Живого отпечатка.

* * *

Где нет надежды — там растет трава.
Пашу, пашу, пашу скупое поле,
Плевать мне на усталость и мозоли:
Пускай едят, пусть кормят жернова.
Где нет родни, там камушек — кума.
Без матери корова сына вскормит,
Четыре родника нерукотворных
Из одного мычащего холма.
Где смысла нет — там сетью дождь лови,
Но падает слеза, как в землю семя,
Но, ненасытно искушая семьи,
Весну выводят в горле соловьи.
Гляжу: опять медоточив жасмин
И облака так низки и медовы. . .
Но каждый стих мой, как безотчий сын,
Единствен, горд и — невозможен снова.

СОДЕРЖАНИЕ

«Прожитого — не исправить...»	5
Памятник боевой славы на Ивановских порогах. <i>Из истории создания</i>	6
«Мы по Ладоге ехали ночь напролет...»	7
Семнадцатилетние	8
«Он был мальчишка рыжий...»	9
Ночью	10
«Не всякий плач родит беда...»	12
«Мне заново надо родиться...»	13
«Идут года, а выйдет год...»	13
Изваяния в храме царицы Хатшепсут в Дейр аль Бахри. <i>По мотивам О. Ониани</i>	14
Благовещение. <i>Современный вариант</i>	16
«Как бешеный, как цыганка плечами...»	17
«Последний снег на первый снег похож...»	18
«Ах, недаром, недаром...»	18
«Ты ошибался: многословен гнев...»	19
«Эти кудри преследуют ветер...»	20
«Я не девочка, чтобы гадать...»	20
«О, счастье — наши встречи праздновать...»	21
«Как будто не проем окна...»	21
«На дворе гульба чужая режет шелком...»	22
«Едва скворцов вернул апрель...»	23

ПЕСНИ

«Почка малая, верба талая...»	24
«Не поверю никогда...»	24
«Ты говоришь, люблюю боль...»	25
Гурзуф	26
Апрель	27

«ЯВИСЬ, ВОЗЛЮБЛЕННАЯ ТЕНЬ...»

«Я видела его во сне...»	27
«Воспоминания в Царском Селе»	28
«Чем дальше сплющивался юг...»	29
«Река в низине, рошица окрест...»	30
Весна Мицкевича	31
«Четырехстопный стук ночных копыт...»	32
Говорят портреты Кадрнорга	33

СТИХИ ИЗ ПИСЕМ

«Впрягаюсь в гору, словно в арбу...»	34
«Не важно, что осень, не важно...»	34
«Под влажным небом все слезоточивы...»	35
«Ты похож на куст лимонный...»	36
«У тополей немислимая статья...»	36
«Имена моих детей...»	37
«Вас, как заглавные титры...»	38
Восхождение	39
«Дотронусь: тополь! — и потону...»	41
Вечерняя исповедь живописца Марьяно Фортуна самому себе	42
«Ах, если бы, если бы даром...»	44
Дилижан, октябрь 1967	45
«В это утро сосновый...»	46
«Город, впадающий в море...»	47
«Нет, только умирать не на виду...»	49

«То ли вечер крошёной слюдой...»	50
«Печальной речи темное питье...»	51
«А вы живете где-то...»	51
Прогулка	52
«Ты сказал бы: «Не будь плаксивой!..»	54
Друзьям	54
Декабрь	56
«В час, когда в моих веках погасла...»	57
«Посмотри, какое утро...»	59
«Я, как Мария Петровых...»	59
«Где нет надежды — там растет трава...»	60

Татьяна Кузьминична Галушко
ОБРАЗ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1981, 64 стр.
План выпуска 1981 г. № 158

Редактор М. И. Дикман
Худож. редактор М. Е. Новиков
Техн. редактор Г. В. Белькова
Корректор Е. А. Омеляненко

ИБ № 2787

Сдано в набор 22.12.80. Подписано к печати 20.07.81.
М 17531. Бумага тип. № 1. Формат 70×108^{1/32}. Гарни-
тура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 2,8.
Уч.-изд. л. 2,30. Тираж 10 000 экз. Зак. № 167. Цена
30 коп. Изд-во «Советский писатель». Ленинградское
отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28. Орде-
на Трудового Красного Знамени Ленинградская ти-
пография № 5 Союзполиграфпрома при Государствен-
ном комитете СССР по делам издательств, полиграф-
фии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр,
Красная ул., 1/3.

30 к.

